

А. Б. Арбеков (Тула)

**«ЗНАТОК ВОЕННЫХ ДЕЛ,
В УЧЕНОМ КОМИТЕТЕ...»
ГЕНЕРАЛ Ф. А. ФЕЛЬДМАН
И ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ
НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1880-х гг.**

«Знаток военных дел, в ученом комитете
Соображает об одном —
О чисто-русском неприятелю ответе
На замышляемый погром»¹.

Э ТОТ КАТРЕН русский офицер, поэт Петр Кузьмич Мартынов посвятил своему современнику, выдающемуся военному деятелю России Федору Александровичу Фельдману (1835–1902). Автору, несмотря на лаконичную художественную форму, удалось в полной мере отразить основную суть почти полувековой службы генерала, направленной на изучение вооруженных сил иностранных государств и применение этих знаний в целях повышения обороноспособности России перед угрозами извне.

К 1880-м гг. сложилась чрезвычайно опасная обстановка для России в Европе. Несмотря на попытки российско-германского и российско-австрийского сближения, которые выражались в возобновлении «Союза трех императоров» в 1881 г. и его продлении в 1884 г., продолжала сохраняться высокая напряженность в отношениях между Петербургом и союзными Берлином и Веной. Помимо поддержки амбиций Австро-Венгрии в ее балканской политике в противовес России, Германия постепенно увеличивала свое влияние на Османскую империю за счет отправления военной миссии, в обязанности которой входило реформирование и обучение турецкой армии. Кроме того, как сообщал российский

военный агент в Берлине А. М. Бутаков, «отставные немецкие офицеры, состоящие на службе в турецкой армии и занимающие там высокие должности, советуются при решении разных военных вопросов с прусским Военным министерством»², что могло восприниматься в Петербурге в качестве угрозы своим интересам в Восточном вопросе со стороны Германии.

Также в этот период ускоряется процесс поляризации европейских государств на различные военно-политические альянсы, которые обязывали их участников вмешаться в вооруженный конфликт между двумя другими соперничающими державами. Так, после французской оккупации Туниса в 1881 г. Италия, имевшая притязания на контроль над этим североафриканским государством, 20 мая 1882 г. присоединилась к союзу Германии и Австро-Венгрии против России и Франции, несмотря на сохранявшиеся внешнеполитические противоречия Рима и Вены. Данная комбинация, в свою очередь, позволяла империи Габсбургов сосредоточить свои основные военные усилия именно на противодействии России, что полностью соответствовало интересам Второго рейха. Военный агент в Берлине А. М. Бутаков, как и многие российские современники, полагал, что «руководящая роль в Тройственном союзе принадлежит <...> Германии»³.

В такой напряженной международной обстановке роль военной разведки становилась одной из системообразующих в структуре государственной безопасности России, поскольку во многом от своевременного и правильного «считывания» агрессивных замыслов противника зависело и принятие соответствующих контрмер. Из этого следует, что деятельность генерала Ф. А. Фельдмана как «рулевого» российской военной разведки имела большое значение. Генерал А. Н. Куропаткин указывал в своих мемуарах: «Сам Фельдман и несколько делопроизводителей [Военно-ученого] комитета выполняли важную работу: на их обязанности лежал сбор, систематизация и подготовка всех сведений о вооруженных силах всего мира, в особенности наших вероятных противников»⁴.

К моменту назначения на должность управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба (ВУК ГШ) в октябре 1881 г. генерал Ф. А. Фельдман имел внушительный послужной список: ранее он состоял в разных военных структурах, занимавшихся сбором, анализом и систематизацией информации о зарубежных армиях, осуществлял тайные рекогносцировки на

территории Австро-Венгрии и занимал пост российского военного агента в Вене⁵. Вполне естественно, что богатый практический и административный опыт организации разведывательной деятельности стали резонным поводом для повышения Ф. А. Фельдмана. 16 (28) октября 1881 г. начальник ГШ Н. Н. Обручев составил ходатайство к военному министру П. С. Ванновскому с рекомендацией назначить Ф. А. Фельдмана на должность управляющего делами ВУК⁶. Приказ по Военному ведомству с соответствующим назначением последовал 18 (30) октября того же года⁷.

Исследователи указывают, что для управляемого стиля генерала Ф. А. Фельдмана была характерна строгая централизация всех аспектов разведывательной деятельности⁸. Отметим, что для концентрации властных полномочий в его руках заранее были созданы все необходимые административные условия. 18 (30) декабря 1880 г. военный министр Д. А. Милютин утвердил новую «Инструкцию военным агентам или лицам их заменяющим». Согласно положениям этого документа, военные агенты должны были поставлять «особенно важные и подлежащие тайне» сведения на имя военного министра, все остальные предназначались управляющему делами ВУК⁹. Таким образом, большая часть донесений военных агентов адресовались лично генералу Ф. А. Фельдману, что позволяло более четко систематизировать информацию об иностранных вооруженных силах. Как подчеркивал в своих воспоминаниях А. Н. Куропаткин, служивший при начальнике ГШ Н. Н. Обручеве, «все нити этих работ уже сосредотачивались у Фельдмана, который вел переписку со всеми военными агентами»¹⁰. Также приказ по Военному министерству от 10 (22) февраля 1880 г. увеличивал количество делопроизводителей канцелярии, находившихся в распоряжении управляющего делами ВУК, с 5 до 14, из которых 5 были старшими и 9 — младшими¹¹.

Согласно записке генерала Ф. А. Фельдмана от 19 (31) декабря 1885 г., за каждым делопроизводителем было закреплено конкретное страноведческое направление, которое учитывало лингвистические и теоретические познания офицера, а также опыт его предшествующей военной службы: полковник П. О. Щербов-Нефедович отвечал за Австро-Венгрию, полковник Н. Н. Сухотин — за Германию, полковник Г. В. Поппен — за Францию, полковник А. К. Тимлер — за Турцию и Румынию, полковник Н. Р. Овсяной — за Балканские государства, подполковник

А. Е. Тизенгаузен (племянник Ф. А. Фельдмана) — за Великобританию и Индию, подполковник А. А. Баторский — за страны Азии¹². «Стекающиеся в Военно-ученый комитет сведения» подвергались тщательному анализу, систематизировались и публиковались как в военно-статистических сборниках обобщающего характера, так и посвященных отдельным государствам¹³.

В период руководства генерала Ф. А. Фельдмана главным источником информации об иностранных армиях по-прежнему выступали военные агенты, прикрепленные к российским посольствам и дипломатическим миссиям в столицах европейских государств. Однако управляющий делами ВУК констатировал, что «raports военных агентов неодинаково ценные», а «разнообразие и количество сообщаемых [ими] сведений» преимущественно зависели от «личных качеств, от опытности и от условий, при которых они работают»¹⁴. К моменту назначения Ф. А. Фельдмана на должность управляющего делами ВУК соответствующие посты были учреждены в Берлине, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Афинах и Риме. При последующих назначениях российских офицеров на пост военного агента генерал Ф. А. Фельдман руководствовался определенными критериями, которые позволяют говорить о системном подходе с его стороны при организации деятельности «дипломатов в погонах». Прежде всего, на конкретную должность военному министру рекомендовался офицер, служивший ранее под началом Ф. А. Фельдмана старшим или младшим делопроизводителем канцелярии ВУК. Среди них А. М. Бутаков, Д. П. Зуев, Н. М. Чичагов, М. О. Блом и О. А. Бертельс¹⁵. Все перечисленные офицеры за своими плечами, помимо службы в канцелярии ВУК, имели успешно «освоенный курс наук» в Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ).

Из этих фактов следует вывод, что Ф. А. Фельдман придерживался строго корпоративного принципа при выборе офицера для службы военным агентом в столице конкретного государства. Несмотря на определенную предвзятость генерала, все же стоит указать, что в исследуемый исторический период в России не существовало особого военного училища по подготовке профессиональных военных агентов¹⁶. В этой связи именно канцелярия ВУК, занимавшаяся сбором, систематизацией и анализом разведывательной информации, становилась единственной кузницей «дипломатов в погонах». Офицеры, служившие

под началом Ф. А. Фельдмана, не только видели всю «изнанку» разведывательной работы, кипевшей в ВУК, но и могли перенимать практический и теоретический опыт, приобретенный генералом в бытность его военным агентом в Вене. К тому же офицеры, закончившие курс военных наук в НАГШ, обладали довольно широким кругозором, который позволял им иметь достаточные представления о различных аспектах военного дела.

Деятельность «дипломатов в погонах» регламентировалась «Инструкцией военным агентам или лицам их заменяющим», утвержденной военным министром Д. А. Милютиным 18 (30) декабря 1880 г. Она устанавливала четкий перечень разведывательных сведений, представлявших наибольший интерес для Военного министерства России, а также порядок и сроки их доставления в ВУК. Особое внимание в документе уделялось изучению информации о вооруженных силах государств, «соприкасающихся с Россией», прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Военный агент, занимавший пост в столицах указанных держав, обязался «тщательно собирать и обновлять военно-статистические сведения о пограничных с Россией областях, изучать подготовку их театров военных действий, с возможными подробностями о путях, военных запасах, расположении сил, вооружении и гарнизонах крепостей, и прилагать все старания к получению точных данных относительно перевозочной способности железных дорог и планов сосредоточения войск»¹⁷. Два последних пункта, затрагивавшие процесс стратегического развертывания германской и австро-венгерской армий, однозначно относились к категории строго секретной информации, получение которой законным путем было невозможно. Соответственно, несмотря на предписание «Инструкции» «избегать всего того, что могло бы возбудить малейшее подозрение местного правительства»¹⁸, на практике «дипломаты в погонах», служившие в Берлине и Вене, фактически принуждались российским Военным министерством к поиску и приобретению конфиденциальной информации в интересах своей страны. Для этого, в свою очередь, «Инструкция» подразумевала выделение военным агентам «особых кредитов» сверх изначально положенной для таких целей суммы в 1200 р.¹⁹

Строгая регламентация деятельности «дипломатов в погонах» в значительной степени способствовала динамичному обновлению в ВУК сведений о возможных противниках как за

счет ранее налаженных тайных агентурных сетей, в том числе самим генералом Ф. А. Фельдманом, так и благодаря привлечению к сотрудничеству новых информаторов. В таком качестве выступали: 1) австрийские и германские офицеры, недовольные своим скромным служебным и материальным положением; 2) местные коммерсанты и журналисты, бывшие не прочь приобщиться к дополнительным источникам заработка; 3) а также славянские поданные Германии и Австро-Венгрии, выступавшие против национальной политики этих государств. Как правило, сведения о тайных агентах очень обрывочны, поскольку даже в служебной переписке российские офицеры, выходившие на контакт с ними, использовали инициалы или псевдонимы, например, «Василий Иванович»²⁰. Так они старались обезопасить своих негласных информаторов от возможного преследования военной полиции, поскольку официальная корреспонденция военных агентов могла прочитываться в Военных министерствах страны-аккредитации²¹.

Одновременно ВУК активно обменивался данными со штабами пограничных, прежде всего Киевского и Варшавского, военных округов, обладавших своим собственным аппаратом военной разведки²². С целью систематизации сведений, поступавших в Петербург из приграничных районов, сотрудники ВУК под руководством Ф. А. Фельдмана на рубеже 1884–1885 гг. разработали отдельную программу для сбора конкретной разведывательной информации штабом Варшавского военного округа²³.

Наряду с этим ГШ ежегодно предоставлял окружным штабам 6500 р. «на собирание сведений о соседних иностранных армиях» посредством полевых поездок, тайных рекогносцировок и приобретения военных журналов, книг, газет и карт местности. Указанные средства распределялись между Виленским, Одесским, Восточно-Сибирским и Киевским военными округами. В зависимости от стратегических приоритетов по рекомендациям генерала Ф. А. Фельдмана распределение средств могло изменяться. Согласно его докладной записке по ГШ от 12 (24) сентября 1883 г., Виленскому военному округу было выделено 2500 р., Одесскому — 1500, Восточно-Сибирскому — 1500, Киевскому — 1000²⁴. Однако на следующий год генерал Ф. А. Фельдман предложил повысить финансирование Киевского военного округа до 2300 р. для осуществления новых рекогносцировок в соседней австрийской Галиции за счет уменьшения средств Виленского

и Одесского окружных штабов до 1500 и 1200 р. соответственно²⁵. Начальник ГШ генерал Н. Н. Обручев одобрил рекомендации Ф.А. Фельдмана и оставил резолюцию «согласен» на его докладной записке²⁶. На 1885 г. управляющий делами ВУК вновь предложил придерживаться прежней сметы, что также не встретило возражений со стороны Н. Н. Обручева²⁷.

Тем не менее, данные меры не всегда встречали одобрение со стороны окружных штабов. В частности, начальник штаба Виленского военного округа высказывал недовольство перспективой снижения финансирования на полевые поездки и подготовку топографических и военно-стратегических обзоров края²⁸. Генерал Ф. А. Фельдман стремился компенсировать это обстоятельство всесторонней помощью самого ВУК. Он предоставил штабу Виленского военно-округа программу военных обозрений²⁹, утвержденных начальником ГШ, а также «копию с секретного стратегического обзора пограничного пространства, составленного генерал-адъютантом Обручевым»³⁰.

В целом, характеризуя стиль руководства генерала Ф. А. Фельдмана, отметим, что, по свидетельствам современников, он являл собой пример «гуманного человека и начальника, строгого прежде всего к самому себе»³¹. Однако «строгость» генерала Фельдмана распространялась и на его подчиненных. В частности, он довольно неодобрительно относился к военным агентам, избегавшим практики взаимодействия с конфидентами и опиравшимся на формальные методы разведывательной работы. Такая позиция обусловлена его предшествующим опытом военно-дипломатической службы, когда в период обострения отношений между Веной и Петербургом во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. ему приходилось идти на очень серьезный риск, добывая негласным путем секретные сведения в интересах своего государства³². Поэтому вполне естественно, что генерал Ф. А. Фельдман определял безопасность России как первостепенный приоритет при организации разведывательной деятельности, что также четко фиксировалось в «Инструкции» 1880 г. Военный агент, согласно тексту документа, «должен неупустительно пещись [заботиться. – А. А.] о приобретении сведений и данных, полезных для охранения безопасности Отечества и успеха его действий»³³. Исключение генералом Ф. А. Фельдманом делалось только для военных агентов, занимавших пост в Лондоне, так как «при полной гласности» в Великобритании, с его слов, они имели возможность

«исполнять свои обязанности, работая по [официальным] печатным материалам»³⁴.

В данном контексте у генерала складывались довольно непростые взаимоотношения с его преемником на посту «дипломата в погонах» в Вене Н. В. Каульбарсом. В одной из служебных записок он указывал, что «Каульбарс располагает исключительно официальными материалами, избегая сношений с тайными агентами, без которых трудно следить за тем, что происходит в военных сферах Вены и Пешт»³⁵. Он неоднократно критиковал своего подчиненного за пересылаемые им устаревшие сведения, добытые ранее по другим информационным каналам ВУК, а также за неполноту материалов, которые Н. В. Каульбарс иногда не перепроверял и не переводил на русский язык. В этом отношении заслуживает особого внимания эпизод, когда российский военный агент в Вене переслал в Петербург приложение, составленное на немецком языке, к новой инструкции о порядке мобилизации австро-венгерских войск, что при отсутствии самой оригинальной инструкции не давало, со слов генерала Ф. А. Фельдмана, «никаких полезных указаний для проверки боевого расписания австрийской армии»³⁶. При этом, как замечалось им в одной из служебных записок, над переводом указанного документа делопроизводителям ВУК пришлось «просидеть недели две», поскольку, параллельно выполняя другие не менее важные задачи, они могли «работать только урывками»³⁷.

В этой связи управляющий делами ВУК нередко лично осуществлял взаимодействие с конфидентами в Австро-Венгрии напрямую, применяя для этого, в том числе, свои прежние агентурные связи. В записке от 19 (31) декабря 1885 г. генерал Ф. А. Фельдман упоминал о том, что он получал негласную корреспонденцию из Вены «от одного преданного мне агента, который [прежде] был офицером [австрийской армии]»³⁸. Кроме того, Федор Александрович прилагал значительные усилия и денежные средства, чтобы расширить имеющуюся в распоряжении ВУК сеть тайных информаторов. 7 (19) февраля 1884 г. австрийский купец 2-й гильдии Адольф Гольдберг предложил российскому Военному министерству сведения о крепостных сооружениях Перемышля, содержащие «графическое описание окружающей местности, описание города, ближайших поселений, всех дорог и, наконец, укрепленного лагеря, состоящего из 9 оконченных и 1 строящегося фортов»³⁹. Генерал Ф. А. Фельдман, имевший богатый опыт

разведывательной и агентурной работы, охарактеризовал эти материалы как достоверные, которые составил «человек знающий и способный»⁴⁰. В данном случае им имелись в виду отставные офицеры австро-венгерской армии братья Иван и Нарцисс Любомеские, работавшие на А. Гольдберга в качестве тайных агентов⁴¹. Федор Александрович предложил начальнику ГШ Н. Н. Обручеву продолжить сотрудничество с австрийским купцом и его агентурой для проведения аналогичной рекогносцировки в Кракове и «для подробного исследования Галицийских железных дорог, а в особенности тех участков, которые желательно было бы разрушить в период сосредоточения [австро-венгерской] армии [в случае войны с Россией]»⁴². Это предложение получило одобрение военного министра П. С. Ванновского, и для дальнейших контактов с агентурой А. Гольдберга было выделено 2000 р.⁴³

Значительно большим расположением Ф. А. Фельдмана пользовался сменивший Н. В. Каульбарса в конце 1886 г. на посту военного агента в Вене подполковник Д. П. Зуев, который, будучи младшим делопроизводителем канцелярии ВУК, «специально занимался обработкой сведений об австрийской армии и участвовал в издании I части “Вооруженных сил Австро-Венгрии” [в 1885 г.]»⁴⁴. В рекомендательной записке к военному министру от 8 (20) декабря 1886 г. генерал Ф. А. Фельдман дал следующую характеристику претенденту на вакантный пост в Вене: «Подполковник Зуев весьма образованный офицер, обладает особой способностью верно оценить местность и художественно изобразить ее — качество весьма ценное для производства быстрых рекогносцировок за границей. В свободное время он занимается изучением военной истории, которую преподает в военных училищах. Иностранными языками он владеет очень хорошо и свободно говорит по-немецки, по-французски и по-английски. Наконец, подполковник Зуев отличается большим тактом и умением держать себя в обществе»⁴⁵. Из этой пространной выдержки можно выделить ключевые качества, которыми, по мнению генерала Ф. А. Фельдмана, должен был обладать военный разведчик: 1) наблюдательность и фотографическая память, необходимые для фиксации в уме конкретных географических объектов, местности или схематических документов; 2) тяга к самообразованию и умение передавать в доступной форме другим людям основную суть усвоенной информации; 3) предрасположенность к изучению иностранных языков, знание которых позволяло находить

и анализировать источники совершенно различного происхождения; 4) наличие прекрасных манер, позволявших втереться в доверие к конфидентам и отводить от себя подозрения в шпионаже.

В отличие от своего предшественника генерал-майора Н. К. Каульбарса подполковник Д. П. Зуев активно взаимодействовал с другими российскими военными агентами, тайными корреспондентами российских газет, например, «Нового времени», и другими негласными информаторами, стараясь своевременно добывать актуальные, в том числе секретные, сведения о военных планах Австро-Венгрии⁴⁶. В частности, он оплачивал услуги бывшего подданного Двуединой монархии инженера сербского происхождения Эмиля Чидича и «Василия Ивановича», являвшегося информатором российского военного агента в Константинополе Н. Н. Пешкова.

Генерал Ф. А. Фельдман через посредничество военного агента в Вене предложил Э. Чидичу «обрекогносцировать Перемышль, где в последнее время произведено много новых работ, и собрать сведения о Трансверсальной и горной Галицийских железных дорогах»⁴⁷. ВУК привлекли тревожные сведения, полученные ранее Д. П. Зуевым от конфиденциального источника о модернизации одноколейной Галицийской Трансверсальной железной дороги, введенной в эксплуатацию в 1884 г. Правительство Австро-Венгрии стало прокладывать дополнительную вторую колею, которая могла существенно ускорить «сосредоточение [австро-венгерской] армии в Галиции, ибо позволит одновременно вести войска с Цис и Транслейтании»⁴⁸.

Схожее поручение добыть «дополнительные сведения о Перемышле, о Карпатских нешоссированных проходах, о проектировании укреплений всех [горных] проходов, о Krakове и о Львове» генерал Ф. А. Фельдман поручил «Василию Ивановичу» через военного агента в Константинополе⁴⁹. Под этим псевдонимом полковником Н. Н. Пешковым в Турции был завербован отставной австрийский офицер Симон Шарац.

Российский военный агент в Вене Д. П. Зуев выступал посредником при дальнейших контактах ВУК с Шарацом и занимался оплатой его «услуг». Например, за разведку военной инфраструктуры в восточных областях Австро-Венгрии он заплатил отставному австрийскому офицеру 1200 гульденов⁵⁰.

В числе прочего, в конце 1880-х гг. полковник Д. П. Зуев завербовал двух военнослужащих Австро-Венгрии: ротмистра Яроша

и прапорщика Бухмюлера, которые впоследствии упоминались в корреспонденции под инициалами «Я.» и «Б.»⁵¹. Первый как «человек весьма положительный и <...> во многом полезный»⁵² по поручению российского военного агента осенью 1888 г. осуществлял рекогносцировки «3-х дорог через Карпаты и дороги их связующей»⁵³. Прапорщик Бухмюлер, в свою очередь, предложил российскому «дипломату в погонах» за сумму 400–500 гульденов подробные сведения о крепости Перемышль⁵⁴, которые были сообщены от него в ВУК в начале июля 1889 г.⁵⁵

Важно указать, что организация Российской военной разведки на данном историческом этапе имела и ряд существенных недостатков. Генерал Ф. А. Фельдман в записке от 19 (31) декабря 1885 г. сетовал на нехватку «негласных источников», прежде всего по причине слабого финансирования ВУК, выделяемого на взаимодействие с конфидентами⁵⁶. Как свидетельствуют документы, на «негласные расходы» ежегодно выделялось всего 10 тыс. р., к этой сумме также прибавлялось еще от 5 до 6 тыс. р., остававшихся от других пунктов сметы ГШ⁵⁷. При этом значительная часть этих средств выделялась преимущественно «на приобретение негласных сведений в Вене и Константинополе»⁵⁸.

Кроме того, генерал Ф. А. Фельдман считал недостаточным уровень взаимодействия между Военным министерством и Министерством иностранных дел. В своей записке он указывал, что «нам до сих пор несколько помогает только посланник наш в Бухаресте кн[язь] Урусов и его секретарь Извольский; остальные же русские дипломаты, несмотря на просьбы Военного министерства, относятся совершенно безучастно к работе Главного штаба»⁵⁹.

Недостатки организации Российской разведывательной деятельности на западном направлении в значительной степени удавалось компенсировать за счет сведений, поступавших из столицы Третьей республики. Так, в первых числах мая 1883 г. российский военный агент в Париже Л. А. Фредерикс посетил Военное министерство Франции, где ознакомился, с его слов, «совершенно случайно» с донесением французского военного атташе в Вене, которое содержало информацию о «военных мероприятиях Австрии на случай вооруженного столкновения с Россией»⁶⁰. Как свидетельствует резолюция генерала Ф. А. Фельдмана на донесении полковника Л. А. Фредерикса,

в ВУК сочли информацию, предоставленную из Парижа, заслуживающей доверия, и в итоге «начальник Главного штаба [Н. Н. Обручев] приказал нанести расположение [армий Австро-Венгрии] на стратегическую карту»⁶¹.

Заметим, что относительно военных планов Второго рейха против России, в сравнении с информацией об аналогичных замыслах высшего генералитета империи Габсбургов, в Петербурге имели более поверхностное представление. Как отмечалось в сборнике «Вооруженные силы Германии», опубликованном в 1883 г., ВУК приходилось зачастую «довольствоваться отрывочными сведениями» о тех контрмерах, которые разрабатывались в Большом Генеральном штабе в Берлине⁶². Генерал Ф. А. Фельдман в служебной записке от 19 (31) декабря 1885 г. сетовал, что «в Берлине положение военного агента весьма трудное», поскольку указы и распоряжения по Военному министерству Германии не публиковались в открытых источниках, а «при бдительности германской полиции весьма опасно пользоваться услугами тайных агентов»⁶³.

Несмотря на трудности в поиске точной информации о стратегических приоритетах Второго рейха, все же российская военная разведка под руководством генерала Ф. А. Фельдмана смогла раздобыть материал, раскрывавший планы Германии в случае войны на два фронта. В 1883 г. в Петербург «капитаном датской службы Сарау» был предоставлен протокол секретного совещания германского Комитета обороны государства от 16 октября 1882 г., в заседании которого принимали участие шеф Большого Генерального штаба Г. Мольтке, военный министр Б. Шелендорф и генерал-квартирмейстер А. Вальдерзее. Согласно перевodu текста этого документа, как указывалось в служебной записке генерала Ф. А. Фельдмана, «формируются три армии против России, одна против Франции и одна для береговой обороны, разделенная на две части: Восточно-прибрежную и Западно-прибрежную»⁶⁴. Впоследствии информацию, предоставленную капитаном К. Сарау, удалось частично подтвердить за счет имевшегося в распоряжении ВУК штатного расписания офицеров Генерального штаба Германии, которые при мобилизации распределялись на пять армий. «Эта цифра одинаково с той, которая указана в установленном в прошлом году <...> протоколе секретного заседания Комитета обороны государства», — констатировал генерал Ф. А. Фельдман⁶⁵.

Наряду с этим ВУК получал из разных источников информацию, которая позволяла сделать однозначный вывод о стратегическом приоритете восточного направления в военных замыслах германских военачальников. По донесению генерала Л. А. Фредерикса из Парижа от 15 (27) февраля 1887 г., на границе с Францией в Эльзасе и Лотарингии содержалось всего около 60 тыс. германских солдат⁶⁶. При этом российский военный агент в Берлине А. М. Бутаков сообщал, что, начав перевооружение германской армии новой магазинной винтовкой системы Маузера М 1871/84, военное ведомство Германии спешило оснастить в первую очередь войска, дислоцированные на восточной границе империи, поскольку в высших германских военных кругах царило мнение, что «ежедневно можно ожидать войны с Россией <...> вследствие невыясненного положения дел в Болгарии [имеется в виду Болгарский кризис. — А. А.]»⁶⁷.

В связи с ростом напряжения в отношениях России с блоком Центральных держав генерал Ф. А. Фельдман стремился расширить географический охват деятельности военных агентов, чтобы обеспечить ВУК стабильным притоком данных из разных источников. Для этого была подготовлена докладная записка по ГШ от 16 (28) ноября 1884 г., в которой предлагалось «учредить несколько новых постов <...> военных агентов близ западных границ Германии и Австрии, т. е. в нейтральных государствах, в Швейцарии, Бельгии и Дании»⁶⁸. Представляется, что на данную инициативу в значительной степени повлиял личный агентурный опыт Ф. А. Фельдмана, который ранее успешно добывал, находясь на своем посту в Вене, чрезвычайно полезные, зачастую тайные сведения о соседней Германии. Фельдман полагал, что «из Вены безопаснее следить за Германией, чем из Берлина»⁶⁹. Кроме того, сказывался положительный опыт взаимодействия с капитаном К. Сарау, поставлявшим из Копенгагена в распоряжение ВУК ценную информацию о планах германского командования. В докладной записке от 16 (28) ноября 1884 г. отмечалось, что в Швейцарии, Бельгии и Дании «весьма удобно приобретать разные негласные сведения об армиях всех великих держав, потому что лица, сообщающие ради наживы секретные материалы, охотнее всего обращаются с предложениями к военным агентам, живущим в столицах второстепенных держав, где надзор за иностранцами менее строг и подобного рода опасные сделки совершаются безнаказанно»⁷⁰.

Военный министр П. С. Ванновский поддержал данную инициативу и отправил запрос министру иностранных дел Н. К. Гирсу на учреждение соответствующих постов при российском дипломатическом представительстве в Швейцарии, Бельгии и Дании. На Певческом мосту не стали чинить препятствия в этом вопросе и в целом высказались «о целесообразности задуманного мероприятия»⁷¹.

На пост военного агента в Брюсселе был назначен младший делопроизводитель канцелярии ВУК полковник Н. М. Чичагов⁷². Впоследствии он предложил генералу Ф. А. Фельдману расширить свои полномочия на соседние Нидерланды, так как там «зорко следят за капитальной политикой Англии и за Германией»⁷³. 22 мая (2 июня) 1886 г. император Александр III одобрил эту инициативу⁷⁴.

По рекомендации генерала Ф. А. Фельдмана военным агентом в Копенгагене назначили младшего делопроизводителя канцелярии ВУК подполковника М. О. Блома, «офицера во всех отношениях выдающегося»⁷⁵. Император Александр III также пожелал, чтобы М. О. Блом исполнял обязанности военного агента в Стокгольме⁷⁶. Наряду с этим генерал Ф. А. Фельдман подал ходатайство о назначении военным агентом в Швейцарии полковника О. А. Бертельса⁷⁷, что также не встретило возражений со стороны вышестоящих лиц.

Во второй половине 1880-х гг. российская военная разведка была подвержена серьезному «экзамену». В Европе на фоне обострения франко-германских и австро-российских отношений в 1887 г. разразилась двойная «военная тревога», которая могла привести к большой европейской войне. С января 1887 г. ГШ на регулярной основе получал тревожную информацию от Варшавского военного округа и военного агента в Вене Д. П. Зуева о спешной подготовке Австро-Венгрии к возможной эскалации конфликта на ее восточной границе⁷⁸. На это также указывало февральское обращение правительства Двуединой монархии к палате делегаций на предоставление кредита на «военные издержки» суммой 52,5 млн гульденов⁷⁹. 24 марта (5 апреля) 1887 г. в ВУК была подготовлена «Справка о военных приготовлениях Австро-Венгрии», в которой на основе сопоставления имеющихся разведданных анализировалась их достоверность. Автор справки, старший делопроизводитель ВУК полковник П. О. Щербов-Нефедович констатировал: «В течение последних трех месяцев

в Главный штаб поступало от разных лиц довольно много сведений о подготовительных мерах, принимаемых австро-венгерским правительством на случай войны с Россией. <...> Ближайшее рассмотрение означенных сведений обнаруживает, что данные по некоторым вопросам, полученные, хотя и различными путями, во многом сходятся между собой»⁸⁰.

Следствием этих известий стала подготовка генералом Н. Н. Обручевым нового плана развертывания российских вооруженных сил против Германии и Австро-Венгрии, в обсуждении которого принимал участие и генерал Ф. А. Фельдман⁸¹. В связи с недостаточным развитием российской железнодорожной сети также было принято решение дополнительно перевести из внутренних военных округов 2-ю, 38-ю пехотные и 13-ю кавалерийскую дивизии в Царство Польское⁸². Информация о переселении российских соединений вызвала тревогу в Австро-Венгрии. Подполковник Д. П. Зуев в рапорте от 21 ноября (3 декабря) 1887 г. сообщал генералу Ф. А. Фельдману: «Газеты полны слухов о наших приготовлениях в Польше и на Волыни. Сгущенные известиями германской прессы о “восходящем солнце Русско-австрийской войны”, здешние газеты видят в этих двух совпадениях грозный призрак и всячески поют о неминовании войны с нами»⁸³. На основании подобных донесений генерал Ф. А. Фельдман констатировал: «Австрийцев вероятно встревожили известия о переводе 13 кавал[ерийской] дивизии в Люблинской район»⁸⁴.

В связи с обвинениями российского правительства в агрессивных замыслах император Александр III поручил военному министру П. С. Ванновскому составить пояснительный ответ для публикации в прессе. Эта задача была возложена на генерал-майора А. Н. Куропаткина при непосредственном участии специалистов ВУК во главе с генералом Ф. А. Фельдманом, которые собирали всю необходимую информацию для подготовки публичного ответа на провокации Берлина и Вены.

В кратчайшие сроки делопроизводителями ВУК под руководством Ф. А. Фельдмана были подготовлены подробные материалы о линиях сосредоточения австро-венгерских войск в Галиции и «сравнительная таблица железных дорог, строящихся и построенных с 1878 года» в Германии, Австро-Венгрии и России⁸⁵, а также «ведомость русских, германских и австро-венгерских войск, расположенных в настоящее время в районе, очерченным

радиусом Варшава — Берлин — Вена». По подсчетам аналитиков ВУК, Россия имела под рукой 230 тыс. человек, союзники — 270 тыс., из которых 150 тыс. приходилось на Германию и 120 тыс. — на Двуединую монархию⁸⁶. При этом пропускная способность германских железных дорог в приграничных районах достигала 132 поезда в сутки, в то время как российские железнодорожные пути позволяли перевозить лишь 54 поезда⁸⁷. В этой связи А. Н. Куропаткин справедливо указывал, что «не только со стороны Германии, но и Австро-Венгрии русским пределам угрожает быстрое вторжение»⁸⁸.

Оираясь на разведывательные сведения и расчеты специалистов ВУК ГШ, генерал-майор А. Н. Куропаткин под редакцией генерала Н. Н. Обручева подготовил просторный доклад, опубликованный после согласования с министром иностранных дел Н. К. Гирсом в газетах «Русский инвалид» и «Новое время» в декабре 1887 г.⁸⁹ В статье А. Н. Куропаткин отстаивал право России на самооборону и делал закономерный вывод, отражавший основную суть российской военной стратегии на данном историческом этапе: «России остается одно — увеличивать готовность крепостей и усиливать число войск, расположенных в приграничных округах, чтобы не быть захваченной врасплох»⁹⁰.

Несмотря на бурную реакцию австро-венгерской и германской прессы на публичный ответ Российской стороны⁹¹, вскоре потенциальный вооруженный конфликт сошел на нет. Учитывая огромную заслугу дипломатов в урегулировании кризиса 1887 г., представляется также, что значительную роль в деэскалации сыграла российская военная разведка, которая своевременно считала внешнюю угрозу и позволила высшему российскому командованию принять необходимые меры по увеличению оборонспособности страны перед угрозами извне.

Заслуги генерала Ф. А. Фельдмана в деле организации российской военной разведки получили высочайшее признание. После «военной тревоги» он был удостоен «монаршей благодарности» за военно-статистические издания ВУК и 30 августа (11) сентября 1888 г. произведен в чин генерал-лейтенанта «за отличную и усердную службу»⁹².

Таким образом, при генерале Ф. А. Фельдмане на западном направлении в 1880-х гг. в целом удалось наладить эффективную разведывательную работу. Ее организация не только увеличилась количественно, но и повысилась качественно. В то же время эта

работа была сопряжена с существенными трудностями, которые приходилось регулярно преодолевать, преимущественно, за счет личностных усилий российских военных агентов и их непосредственных руководителей в Петербурге.

¹ Мартынов П. К. Словарь-альбом русских деятелей XIX века, в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпиграфиям. СПб., 1893. С. 272.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 1. Л. 124 об.

³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1890. Д. 1. Л. 203.

⁴ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни: воспоминания А. Н. Куропаткина: В 3 т. Челябинск, 2023. Т. 2. С. 559.

⁵ Подробнее см.: Арбеков А. Б. Российский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман: история назначения и службы в 1876–1881 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2023 г. СПб., 2023. Ч. I. С. 86–102. Пользуемся случаем, чтобы исправить досадные неточности, допущенные в прошлом материале, посвященном генералу Ф. А. Фельдману. При рождении он получил имя Герман-Фридрих, а не Теодор: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 6. Д. 3142. Л. 17. Был назначен состоять при Департаменте Генерального штаба 6 (18) января 1858 г., а 1 (13) января 1859 г. штабс-капитаном переведен в Генеральный штаб: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7464. Л. 148. Не состоял в звании майора. Будучи капитаном, произведен в подполковники 30 августа (11 сентября) 1864 г.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. 1868. Д. 365–105. Л. 2 об.

⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1881. Д. 46. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Логинов А. И. Военная разведка и контрразведка в Российской империи в 1890-е – 1902 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов Госбезопасности. Кн. 2. М., 2018. С. 50.

⁹ Сергеев Е. Ю., Улуниан А. А. Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. М., 2003. С. 447.

¹⁰ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни... Т. 2. С. 559.

¹¹ Газенкампф М. Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб., 1888. С. 9–10.

¹² РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 317–317 об.

¹³ Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских государств. СПб., 1883; Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1883; Поппен Г. В. Франция. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1883; Щербов-Нефедович П. О. Австро-Венгрия. Отд. 2. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1885.

¹⁴ РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315.

¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1484. Л. 1–3; Д. 1485. Л. 1–6; Д. 1494. Л. 1–4; Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 47. Л. 1–1 об.; Алексеев М. Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. С. 243.

¹⁶ Сергеев Е. Ю., Улуниан А. А. Не подлежит оглашению... С. 46.

¹⁷ Там же. С. 445–446.

¹⁸ Там же. С. 446.

¹⁹ Там же. С. 448.

²⁰ РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 198. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 94 об.

²² РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–102.

²³ Rich D. A. *The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia*. Cambridge (Mass.), 1998. P. 176.

²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 9. Л. 25.

²⁵ Там же. Л. 25 об.

²⁶ Там же. Л. 25.

²⁷ Там же. Л. 146.

²⁸ Там же. Л. 26–27.

²⁹ Там же. Л. 28.

³⁰ Там же. Л. 28 об.

³¹ Русский инвалид. 1902 г. № 29 // РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9466. Л. 4.

³² Арбеков А. Б. Российский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман... С. 97–99.

³³ Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Не подлежит оглашению... С. 446.

³⁴ РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60. Л. 135.

³⁷ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 215 об.

³⁸ Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 316.

³⁹ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 183.

⁴⁰ Там же. Л. 183 об.

⁴¹ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 9. Л. 289–289 об.

⁴² Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 183 об.–184.

⁴³ Там же. Л. 195.

⁴⁴ Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 47.

⁴⁵ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 56.

⁴⁷ Там же. Л. 187.

⁴⁸ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 59 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 5. Л. 203.

⁵⁰ Там же. Л. 224.

⁵¹ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 199. Л. 57–129.

⁵² Там же. Л. 81 об.

⁵³ Там же. Л. 22 об.

⁵⁴ Там же. Л. 129–129 об.

⁵⁵ Там же. Л. 131–132.

⁵⁶ Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315–317.

⁵⁷ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 26. Л. 26.

⁵⁸ Там же. Л. 27 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 317.

⁶⁰ Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60. Л. 95–95 об.

⁶¹ Там же. Л. 95.

⁶² Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб., 1883. С. 483.

⁶³ РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201. Л. 315–315 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 222. Л. 272–272 об.; Д. 220. Л. 111–118 об.

⁶⁵ Там же. Д. 222. Л. 272.

⁶⁶ Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 2. Л. 29.

⁶⁷ Там же. Ф. 506. Оп. 1. Д. 489. Л. 19 об.

⁶⁸ Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1884. Д. 50. Л. 1–1 об.

⁶⁹ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 74.

⁷⁰ Там же. Л. 1 об.–2.

⁷¹ Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1884. Д. 50. Л. 5–5 об.

⁷² Там же. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1484. Л. 3.

⁷³ Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1884. Д. 50. Л. 100 об.

⁷⁴ Там же. Л. 115.

⁷⁵ Там же. Л. 54.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. Л. 85.

⁷⁸ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–102.

⁷⁹ Там же. Л. 101 об.

⁸⁰ Там же. Л. 121 об.

⁸¹ Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 76. Л. 7 об.; Rich D. A. The Tsar's Colonels... P. 276.

⁸² Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 552–553.

⁸³ РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 197. Л. 214 об.–215.

⁸⁴ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60. Л. 10–11, 15.

⁸⁶ Там же. Л. 41–42.

⁸⁷ Там же. Л. 100 об.

⁸⁸ Новое время, 4 (16) декабря 1887 г.; Русский инвалид. 1887. № 260; РГВИА.

⁸⁹ Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60. Л. 70.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60. Л. 32–36, 70.

⁹¹ Там же. Л. 70.

⁹² ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4047. Л. 4 об.–5.